

Передислокация войск из Чечни в Дагестан: ситуация, мотивы и отголоски

Эмиль Сулейманов и Майя Эрманн*

Введение

Чечня и Дагестан являются двумя ключевыми автономными республиками на Северном Кавказе. Эти две республики имеют наибольшее население среди автономных республик в регионе, а так же сильные традиции (политического) ислама и большой опыт мотивированных религией волнений, приправленных сепаратистским подтекстом, которые начались в районе с начала предыдущего десятилетия. Поскольку обе занимают стратегическое местоположение на южной границе Российской Федерации и соседствуют с Грузией и Азербайджаном, двумя независимыми государствами постсоветского Южного Кавказа, развитие событий в этих соседних автономных республиках считается критически важным для перспектив исламского партизанского движения на Северном Кавказе. Если самопровозгласившийся Кавказский Эмират, ведущая группировка исламистского партизанского движения в регионе, установит свое твердое присутствие в Чечне и в Дагестане, шансы федеральных властей справиться с имеющим место политическим насилием в южных провинциях драматически уменьшатся. Это приведет к значительному ухудшению ситуации с безопасностью на всем Северном Кавказе, с возможными отголосками в других регионах России с большим мусульманским населением.

В середине марта 2012 года была проведена массовая передислокация военного персонала из Чечни в Дагестан. По мнению неофициальных источников из Дагестана, около 20 – 25 000 солдат из Чечни (в основном личный состав министерства внутренних дел) были перебросены в соседнюю республику.¹ Военная колонна, включающая большое число бронированных боевых машин, выехала из Ханкалы, военной базы на востоке от Грозного, направляясь к Карабудахкентскому району Дагестана в предместьях столицы Махачкалы.² Вячеслав Махмудов, представитель регионального министерства внутренних дел Дагестана, заявил, что

* Эмиль Сулейманов является доцентом по российским и восточно-европейским исследованиям в Карлова университете в Праге, Чешская Республика. Майя Эрманн – студент Интердисциплинарного центра (ИДЦ) в Герцлии, Израиль, специализируется в области исследований безопасности. Эта статья была написана в рамках исследовательской программы факультета общественных наук Карлова университета в Праге.

¹ Valery Dzutsev, “Dagestan’s President Promises a Decisive Crackdown on the Insurgency,” *Eurasia Daily Monitor* 9:70 (9 April 2012); доступно на: [http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=39241](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=39241).

² “25,000 Troops and More than 300 Armored Vehicles Deployed in Dagestan,” *Kavkazcenter.com* (17 March 2012); доступно на: http://kavkazcenter.com/eng/content/2012/03/17/15983_print.html.

«мы говорим о временном размещении и координации с целью противодействовать терроризму и экстремизму на всей территории Дагестана».³ Дагестанский президент Магомедсалам Магомедов так же заявил, что это увеличение числа солдат «позволит нам защищать закон и порядок и бороться с терроризмом более эффективно».⁴ Аргументированный властями как еще одно средство для улучшения тяжелой ситуации в кавказской республике, этот ход стал причиной серьезной озабоченности как внутри, так и вне Дагестана. Численность войск, переброшенных в последнее время в Дагестан, ошеломляюще велика, что порождает опасения относительно того, не выходят ли намерения России в этом регионе далеко за рамки просто попытки стабилизировать Дагестан.⁵ Кроме того, озабоченность вызывает и этнический состав войск.⁶

В целом, эта статья является попыткой раскрыть потенциал чечено-дагестанского конфликта, вероятность которого в последнее время возросла благодаря передислокации расположенных в Чечне войск из Чечни в Дагестан. В частности, мы пытаемся рассмотреть значение передислокации этих войск в Дагестан. Сначала мы представим некоторую информацию о ситуации в регионе, связанную с трениями между Чечней и Дагестаном, разрастанием исламистского вооруженного движения в Дагестане, и поощрением и расширением «кадыровизации» в наборе средств борьбы против мятежников. Затем мы предложим некоторые возможные объяснения причин решения Москвы перебросить войска в Дагестан и рассмотрим некоторые из возможных последствий, как на местном уровне, так и на региональном. Эти задачи мы выполним путем анализа мотивов и последствий этого решения.

Информация о ситуации

Напряженность в чечено-дагестанских отношениях: краткая история

Наряду с традиционным чувством соперничества и конкуренции, народы Кавказа, чеченцы и дагестанцы – которые близки друг другу, как из-за общей культуры, так и из-за общей истории яростного антиколониального сопротивления, начавшегося в конце восемнадцатого века, – в недалеком прошлом столкнулись с конфликтными ситуациями между собой. История этих конфликтов начинается в 1944 году, когда чеченцы, обвиняемые НКВД (Агентство внутренней безопасности Сталина)

³ Stepan Kravchenko and Ilya Arkhipov, “Russia Deploying Troops for Temporary Dagestan Reinforcement,” *Bloomberg.com* (19 March 2012); доступно на: <http://www.bloomberg.com/news/2012-03-19/russia-deploying-troops-for-temporary-dagestan-reinforcement-1-.html>.

⁴ “Police Presence in Dagestan to be Reinforced to Counter Terrorism,” *Interfax News Agency* (23 March 2012), 1.

⁵ J.E. Dyer, “Russian Troop Deployments in the South,” *HotAir.com* (24 March 2012); доступно на <http://hotair.com/greenroom/archives/2012/03/24/russian-troop-deployments-in-the-south>.

⁶ Valery Dzutsev, “Russia Launches Massive Military Redeployment to Dagestan,” *Eurasia Daily Monitor* 9:57 (21 March 2012); доступно на [http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=39160](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=39160).

в сотрудничестве с нацистской Германией, были депортированы в Среднюю Азию, и политико-административная карта автономной республики Чечено-Ингушетии была перерисована так, что некоторые из восточных территорий Чечни были переданы Дагестану. Во второй половине следующего десятилетия чеченцам разрешили вернуться на свою родную землю и в свои родные дома, но они уже оказались занятыми дагестанцами, в частности новопоселившимися семьями лакцев и аварцев.⁷ Эти переживания части чеченцев, которые оказались вытесненными, стали основой будущей трудно устранимой напряженности; действительно, проблема реабилитации интернированных лиц, включая и право на собственность, и проблема политико-административного контроля в спорных районах, не были разрешены. Соответственно, Новолакский район (бывший Ауховский до 1944 года) до сих пор оспаривается дагестанцами-лакцами и чеченцами-аккий, членами одного из девяти *тукхумов*, проживающих в регионе. Хотя сверхзанятость чеченцев проблемами, связанными с Москвой в постсоветский период, похоже, отклонила их внимание от Дагестана, тем не менее, чеченские националисты время от времени озвучивали территориальные претензии к некоторым из соседних районов. Наиболее яркий пример – это когда в 2006 году Дукувакха Абдурахманов, тогда председатель прокремлевской Национальной ассамблеи Чеченской республики, сделал спорное заявление, косвенно заявляя права чеченцев не только на Новолакский район, но и на Кизляр и Хазавюрт, два самых больших города восточно-центрального Дагестана, и потребовал выхода к Каспийскому морю.⁸ Это заявление возмутило многих дагестанцев и стало причиной серьезных трений между двумя народами.

Рост повстанческого движения в Дагестане

Хотя Дагестан является преимущественно мусульманской страной, образованной одними из первых общин на Северном Кавказе, которые приняли салафизм, случаи исламского вооруженного сопротивления были исключительно редки еще десять лет назад.⁹ Множество факторов подпитывают постепенный рост повстанческого движения в Дагестане. Прежде всего, распад Советского Союза привел к нестабильности в Дагестане и последовавшему восходу (политического) исламизма. Нестабильность обуславливалась высокой безработицей, коррупцией, бедностью и

⁷ International Crisis Group, “Russia’s Dagestan: Conflict Causes,” *Europe Report* No. 192 (3 June 2008); доступно на: http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/192_russia_s_dagestan_conflict_causes.pdf.

⁸ “US Embassy Cables: A Wedding Feast, the Caucasus Way,” *The Guardian* (U.K.) (1 December 2010; publication of cable originally sent 31 August 2006); доступно на: <http://www.guardian.co.uk/world/us-embassy-cables-documents/76763>.

⁹ Emil Souleimanov, “The Republic of Dagestan: The Epicenter of Islamist Insurgency in Russia’s North Caucasus,” *IPRIS Occasional Paper* 4 (Portuguese Institute of International Relations and Security, December 2011); доступно на: <http://www.ipris.org/?menu=6&page=56>.

другими социальными проблемами.¹⁰ Создание исламского государства многими воспринималась как потенциальное решение этих проблем.¹¹ К исламу, который в глазах российских властей прочно ассоциировался с терроризмом и считался основной угрозой безопасности России, относились с подозрением до 2000 года. Российские власти применяли жесткую, иногда коррупционную, тактику допросов заподозренных дагестанцев, и арестовывали многих действительных и предполагаемых «ваххабитов». Их подвергали пыткам и другим формам насилия. В соответствии с местной традицией мужской чести, такое отношение мотивировало некоторых из тех, кто были ошибочно арестованы, и их родственников, обратиться к насилию как средству восстановления чести их семьи или клана. Поддержка исламистских повстанцев дала людям инструмент для ответных атак против властей и платформу для протеста против коррупции, социальных и экономических проблем и деградации традиционных ценностей. Растущее влияние повстанческого движения в Дагестане способствовало смягчению различий, проистекающих из этнических и клановых привязанностей, и установлению более глубокого чувства солидарности.¹² Это чувство солидарности в сочетании с реальностью коррупции, социальных и экономических проблем, и растущее влияние чеченских боевиков – которые благодаря жесткой антипартизанской тактике Рамзана Кадырова стали использовать Дагестан как базу для своих операций – были ключевыми факторами, обуславливающими рост повстанческого движения в Дагестане.

«Кадыровизация» и чеченские налеты на Дагестан

Из-за расширения кампании повстанцев в регионе и в частности оттого, что Дагестан стал убежищем для чеченских боевиков, влияние Рамзана Кадырова под флагом борьбы с боевиками может распространиться и на Дагестан. После окончания Чеченской войны в 2000 году и с восходом исламского вооруженного движения и нестабильности в регионе, российский президент Владимир Путин ввел политику передачи «ответственности за обеспечение безопасности республики чеченскому народу».¹³ Основным компонентом этой политики была передача администрации Чечни (и борьбы с боевиками) клану Кадырова, политика, которую часто назы-

¹⁰ Edward C. Holland and John O'Loughlin, "Ethnic Competition, Radical Islam, and Challenges to Stability in the Republic of Dagestan," *Communist & Post-Communist Studies* 43:3 (2010): 297–308.

¹¹ Moshe Gammer, "From the Challenge of Nationalism to the Challenge of Islam: The Case of Dagestan," in *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder*, ed. Moshe Gammer (Abingdon: Routledge, 2007), 179–93.

¹² Emil Souleimanov, "Dagestan: The Emerging Core of the North Caucasus Insurgency," *CACI Analyst* (29 September 2010); доступно на: www.cacianalyst.org/?q=node/5415.

¹³ Paul Goble, "Russia: Analysis from Washington – Chechenization," *Radio Free Europe/Radio Liberty* (8 June 2000); доступно на: www.rferl.org/articleprintview/1094108.html.

вают «Кадыровизацией».¹⁴ Действительно, Ахмад Кадыров (который был убит в 2004 году) и позднее его сын Рамзан Кадыров (сейчас глава Чеченской республики) восприняли жесткий и изматывающий подход в борьбе с боевиками, одновременно цементируя монополию на власть для клана Кадыровых.¹⁵ Использование Кадыровым агрессивной тактики борьбы с повстанцами ослабляло власть в Дагестане, и время от времени он нарушал территориальные границы с целью проведения операций против боевиков.¹⁶ Без согласования с дагестанскими властями чеченские подразделения *кадыровцев* в первой половине прошедшего десятилетия предприняли серию вторжений на территорию Дагестана (в районы, на которые предъявляют права и чеченцы), чтобы провести «анти-террористические операции». В 2009 году дагестанский Государственный совет обнародовал заявление, в котором говорилось, что «... вооруженные люди пересекли административную границу между Чеченской Республикой и Дагестаном на машинах без регистрационных номеров, не подчинившись законному требованию сотрудников дагестанского министерства внутренних дел, выполняющих свои обязанности на дорожных пропускных пунктах, проверяющих и регистрирующих дорожный транспорт».¹⁷

Эти вторжения стали причиной появления напряженности между Грозным и Махачкалой и вбили клин между чеченскими и дагестанскими правоохранительными органами, таким образом, возобновив существующие опасения Дагестана относительно действительных целей чеченцев. В конце концов, сам неуспех объединенной чечено-дагестанской салафитской армии в августе 1999 года – во главе которой стояли чеченские командиры и вторгнувшейся в западный Дагестан с целью организации массового восстания против России и создания исламской республики¹⁸ – часто объясняют широко распространенным неприятием дагестанцами того, что они считают замаскированной попыткой чеченцев реализовать свои давние территориальные претензии на дагестанские земли. В результате то, что, как надеялись салафиты, разожжет массовое анти-русское восстание в соседней стране и проложит дорогу установлению мусульманской теократии на Кавказе, обернулось началом конца *де-факто* независимого чеченского государства.

¹⁴ Zaindi Choltaev, “The Failure of ‘Chechenization,’” *North Caucasus Analysis* 5:31 (3 August 2004); доступно на: http://www.jamestown.org/programs/nca/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=1999&tx_ttnews%5BbackPid%5D=186&no_cache=1.

¹⁵ Mikhail Roshchin, “Caucasus Emirate: Virtual Myth or Reality?,” *North Caucasus Analysis* 10:10 (13 March 2009); доступно на: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=34708.

¹⁶ Emil Pain, “The Kadyrov-ication of Dagestan,” *North Caucasus Analysis* 6:19 (18 May 2005); доступно на: www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=2900.

¹⁷ “Dagestan not Happy about Ramzan’s Visit,” *North Caucasus Analysis* 6:3 (18 January 2005); доступно на: http://www.jamestown.org/programs/nca/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=2128&tx_ttnews%5BbackPid%5D=187&no_cache=1.

¹⁸ Pénélope Larzillière, “Chechnya: Moving toward Islamic Nationalism?,” in *The Enigma of Islamic Violence*, ed. Amelie Blom, Laetitia Bucaille, and Luis Martinez (London: Hurst, 2007), 89–104.

Мотивы

Хотя российские власти не предоставили подробной информации о характере войск и о планах на их размещение, согласно некоторым источникам, солдаты новосозданного формирования вероятнее всего будут расположены в критических районах Сергокала, Кизляра и Избербаша, а часть и в Карабудахкентском районе. В институциональных терминах, передислокация в Дагестан расположенных в Чечне войск проводилась в рамках Временной оперативной группы министерства обороны, которая была сформирована недавно.¹⁹ Хотя остается спорным, какова пропорция этнических чеченских войск, но похоже, что большинство солдат чеченцы.²⁰

Недавний ход использовать расположенные в Чечне войска для борьбы с повстанческим движением в Дагестане является частью более обширного плана Москвы укрепить дислоцированные в Дагестане вооруженные силы, и который восходит к концу прошлого десятилетия, когда масштаб повстанческого движения в стране стал угрожающе большим.²¹ В самом деле, несколько причин может лежать в основе решения Москвы. Первая, беспрецедентная интенсификация диверсионной активности дагестанских боевиков с 2010 года сделала Дагестан центром повстанческого движения на Северном Кавказе.²² Параллельная ликвидация лидеров боевиков оказала незначительное влияние на попытки переломить хребет исламистскому сопротивлению. Президент Дагестана Магомедсалам Магомедов заявил, что «все сыты по горло этой угрозой [повстанческого движения]. Мы хотим освободить, почистить нашу землю от всякого рода экстремистов, террористов, радикалов как можно скорее».²³ Кроме того, в докладе генеральной прокуратуры России говорится, что «Криминогенная обстановка в Республике Дагестан остается напряженной и заметен постоянный рост угроз, исходящих от боевиков, поддерживающих и соучастников террористических групп».²⁴ В этой связи два насильственных инцидента, имевшие место в республике в начале марта – оба в стратегически расположенном Карабудахкентском районе с его заросшими лесом горами – похоже, инициировали решение Москвы передислоцировать войска в Дагестан. 6 марта 2012 года в результате самоубийственного нападения, осуществленного террористом женского пола у полицейского поста, погибли пятеро офицеров и

¹⁹ Dzutsev, “Dagestan’s President Promises a Decisive Crackdown on the Insurgency.”

²⁰ Dzutsev, “Russia Launches Massive Military Redeployment to Dagestan.”

²¹ Cerwyn Moore, “The Roots and Transformation of the Dagestan Insurgency,” *Eurasia Daily Monitor* 7:175 (29 September 2010); доступно на: http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=36961&tx_ttnews%5BbackPid%5D=484&no_cache=1.

²² Emil Souleimanov, “Dagestan: The Emerging Core of the North Caucasus Insurgency.”

²³ Dzutsev, “Dagestan’s President Promises a Decisive Crackdown on the Insurgency.”

²⁴ “Prosecutor General’s Office Points to Shortcomings in Efforts to Prevent Terrorism in Dagestan,” *Interfax News Agency* (29 September 2011), 1; доступно на: www.interfax.co.uk/russia-cis-military-news-bulletins-in-english/prosecutor-generals-office-points-to-shortcomings-in-efforts-to-prevent-terrorism-in-dagestan-2/.

были ранены двое.²⁵ Через три дня при дерзком нападении дагестанские боевики сбили российский военный вертолет недалеко от села Губден, которое считается одним из опорных пунктов дагестанского повстанческого движения.²⁶

Вторая причина, что после почти десяти лет беспощадной антиповстанческой кампании, проводимой Рамзаном Кадыровым и его подручными, которая стоила жизни многим сотням чеченцам и ужаснула сотни тысяч других, цена присоединения к повстанцам или оказания им помощи, или даже проявления симпатии к ним стала слишком высокой для многих чеченцев, фактор, который уменьшил материальную поддержку, на которую могли рассчитывать исламисты в Чечне, вынуждая их искать опору в Дагестане. Кадыров часто демонстрировал как московским, так и своим дагестанским коллегам свое желание поделиться опытом эффективной борьбы с исламистскими повстанцами. Еще в середине прошлого десятилетия он часто делал заявления, в которых открыто возлагал вину за нестабильную ситуацию в Чечне на некомпетентных дагестанских силовиков, так как чеченским исламистам *де-факто* предоставлялось убежище в Дагестане.²⁷ Излишне говорить, что участие Кадырова в операциях в Дагестане еще больше увеличит его самооценку как эффективного командира, воюющего с повстанцами в регионе. В свою очередь, такое участие может еще больше укрепить положение Кадырова в глазах Москвы, так как он не преминет воспользоваться любой выгодой от улучшения экономической и политической ситуации на Северном Кавказе.

Третья причина та, что Дагестан граничит с Азербайджаном, который обеспечивает дорогу для доступа к Ирану. Расширение военного сотрудничества между Азербайджаном, США и Израилем дает основания российским властям ожидать нападения на Иран.²⁸ В апреле этого года Дмитрий Рогозин, заместитель премьер-министра России, заявил, что «если Иран будет втянут в какую бы то ни было военную операцию, это будет прямой угрозой нашей безопасности».²⁹ Это заявление предполагает, что недавняя передислокация войск в Дагестан может быть вызвана чем-то более серьезным, чем просто желанием бороться там с повстанцами, а именно, опасением о возможности нарастания нестабильности в регионе, которое может привести к нападению на Иран. Поэтому увеличение российского военного присутствия в Дагестане и в регионе в целом, может так же отражать попытку защитить жизненные интересы России, и возможно даже намерение помочь Ирану в случае нападения на него.

²⁵ “Russian Bombing is Latest in Spate of Violence,” *CNN World* (7 March 2012); доступно на: http://articles.cnn.com/2012-03-07/world/world_europe_russia-bombing_1_dagestan-russian-bombing-suicide-bomber?_s=PM:EUROPE.

²⁶ “CE Mujahideen Shot Down Russian KGB Helicopter in Dagestan,” *Kavkazcenter.com* (9 March 2012); доступно на: <http://kavkazcenter.com/eng/content/2012/03/09/15934.shtml>.

²⁷ Robert B. Ware, “Mythology and Political Failure in Chechnya,” in *Chechnya: From Past to Future*, ed. Richard Sakwa (London: Anthem Press, 2005), 79–116.

²⁸ Dyer, “Russian Troop Deployments in the South.”

²⁹ F. Michael Maloof, “Russia is Massing Troops on Iran’s Northern Border and Waiting for a Western Attack,” *Business Insider* (9 April 2012); <http://www.thetruthseeker.co.uk/?p=46671>.

Последствия

Расквартирование чеченских военных на дагестанской земле с учетом возможности их участия в боевых операциях потенциально может угрожать межэтническому балансу в Дагестане и, кроме того, уже порождает анти-чеченские настроения среди дагестанцев (хотя пока еще слабые). Действительно, этнический фракционализм Дагестана приводит к тому, что большая часть политико-административных, экономических и полицейских должностей в соответствующих районах республики часто находится в руках членов одной и той же этнической группы (обычно географически наиболее сильной в данном районе). Такое сочетание как-то снижает накал конфликта, так как сотрудники правоохранительных органов и повстанцы в одной области часто принадлежат к одной и той же этнической группе, клану или семье.

Однако, следуя примеру Чечни, случаи внутриэтнического насилия, связанные с действиями повстанцев, в последние годы встречаются все более часто и власти Дагестана стараются создавать этнически смешанные полицейские формирования, чтобы иметь более надежные и боеспособные единицы. Несмотря на противоречивые оценки, то, что делает тактику чеченских *кадыровских* формирований в целом эффективной (по сравнению с русской армией), это их знание местных условий, их способность получать разведывательную информацию и применять разнообразные способы принуждения к отдельным лицам (или членам их семей), участвующим или поддерживающим повстанческое движение, не трогая тех, кто не имеет (предполагаемых) связей с исламистами. Эта тактика постепенно уменьшила материальную поддержку повстанцев. Передислоцированным войскам не будет хватать знания местности при проведении операций в Дагестане; вместо этого, их развертывание в Дагестане может вылиться в серию неразборчивых и беспощадных карательных кампаний, проведенных на чужой земле, которые определенно оскорбят дагестанцев, вне зависимости от их этнической лояльности и политических предпочтений.³⁰ Действительно, инициированная Москвой передислокация чеченских войск (чему дагестанские власти сопротивлялись до последнего) может дальше нарушить деликатное межэтническое равновесие в стране и вызвать общее негодование против чеченцев как внутри, так и за пределами республики. На этом фоне создавшееся напряжение между сотрудниками дагестанских и чеченских правоохранительных органов тоже может сыграть свою роль. Беспокойство дагестанских *силовики* в отношении действий их чеченских коллег на их бывшей земле, похоже, существенно усилится и может впоследствии изменить характер анти-повстанческой кампании в Дагестане, так как анти-повстанческие действия могут стать менее синхронизированными. Соответственно, Рамзан Кадыров, возможно, будет стремиться играть более существенную роль в политической жизни соседней мультиэтнической республики на берегу Каспийского моря и

³⁰ For precedent, see Valery Dzutsev, "Kremlin Counter-Insurgency Efforts Deepen Animosity in Dagestan," *Eurasia Daily Monitor* 8:94 (16 May 2011); доступно на: www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=37933.

тем самым установить там султанский режим, подобный тому, что есть в Чечне.

Заключение

Официально заявленная российским министерством внутренних дел причина передислокации расположенных в Чечне войск в Дагестан была сформулирована как необходимость «стабилизировать ситуацию в Дагестане».³¹ Растущая угроза восстания в Дагестане, интенсивная анти-повстанческая кампания в Чечне, проводимая Рамзаном Кадыровым, который заставил боевиков искать новые территории для операций, и возможная угроза развития нестабильности из-за атаки на Иран через Азербайджан были существенными факторами, оказавшими влияние на решение Москвы передислоцировать войска в Дагестан. Однако, характер этой передислокации – точное число персонала и его этнический состав – остается неясным. Состав перебрасываемых войск (если окажется, что большая их часть чеченцы) может угрожать хрупкому межэтническому равновесию в Дагестане и может привести к росту недоброжелательности и недоверию между дагестанцами и чеченцами, фактор, который впоследствии может оказать влияние на характер анти-повстанческих действий дагестанцев и чеченцев на дагестанской земле. Наряду с недоверием, которое может появиться между дагестанскими и чеченскими правоохранительными властями, анти-повстанческие усилия далее могут быть ослаблены тем, что войска, которые изначально были расквартированы в Чечне, вероятно, не будут знакомы с социально-политическим ландшафтом в Дагестане и следовательно, будут не в состоянии использовать племенные привязанности и знакомство с местностью в свою пользу при противодействии боевикам.

И последнее, передислокация войск может привести к усилению регионального влияния Кадырова. Рассматривая возможные причины усиления повстанческого движения в Дагестане, можно прийти к выводу, что расширение применения суровых мер в отношении повстанцев (аргументация Москвы для переброски войск в Дагестан) и людей, подозреваемых в том, что они являются исламистами, может иметь обратный эффект и привести к усилению повстанческого движения, вместо того чтобы его ослабить. Действительно, передислокация расположенных в Чечне войск в Дагестан является спорным ходом, если учитывать проблемы, которые могут появиться в результате этнического состава войск и усиления влияния Кадырова в регионе. Несмотря на официальные заявления Москвы относительно причин передислокации, сама численность солдат, близость Дагестана к Азербайджану и возросшая напряженность между Азербайджаном и Ираном – все это приводит к выводу, что ход Москвы в Дагестане, может быть, явился результатом более широких соображений, чем просто достижение региональной стабильности, и может иметь отголоски, которые будут слышны далеко за границами этого региона.

³¹ Dzutsev, “Russia Launches Massive Military Redeployment to Dagestan.”

Литература

- Choltaev, Zaindi. "The Failure of 'Chechenization'." *North Caucasus Analysis* 5, no. 31 (2004).
- Dzutsev, Valery. "Dagestan's President Promises a Decisive Crackdown on the Insurgency." *Eurasia Daily Monitor* 9, no. 70 (2012).
- Dzutsev, Valery. "Kremlin Counter-Insurgency Efforts Deepen Animosity in Dagestan." *Eurasia Daily Monitor* 8, no. 94 (2011).
- Dzutsev, Valery. "Russia Launches Massive Military Redeployment to Dagestan." *Eurasia Daily Monitor* 9, no. 57 (2012).
- F. Maloof, Michael. "Russia is Massing Troops on Iran's Northern Border and Waiting for a Western Attack." *Business Insider* (9 April 2012) (2012).
- Gammer, Moshe. "From the Challenge of Nationalism to the Challenge of Islam: The Case of Dagestan." In *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder*. Abingdon: Routledge, 2007.
- Holland, Edward C., and John O'Loughlin. "Ethnic Competition, Radical Islam, and Challenges to Stability in the Republic of Dagestan." *Communist & Post-Communist Studies* 43 (2010): 297-308.
- Larzillière, Pénélope. "Chechnya: Moving toward Islamic Nationalism?" In *The Enigma of Islamic Violence*. London: Hurst, 2007.
- Moore, Cerwyn. "The Roots and Transformation of the Dagestan Insurgency." *Eurasia Daily Monitor* 7, no. 175 (2010).
- Souleimanov, Emil. "The Republic of Dagestan: The Epicenter of Islamist Insurgency in Russia's North Caucasus." *PRIS Occasional Paper* 4 (2012).